

Воронин А. А., Лепешкина Л. А. Возможности контроля и управления фитоценозом экспозиции «Степи Центрального Черноземья» // Флора и растительность Центрального Черноземья – 2017: материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной году особо охраняемых природных территорий. Курск, 2017а. – С. 136–138.

Воронин А. А., Лепешкина Л. А. Стратегия устойчивого развития ботанических садов лесостепного Черноземья. – Воронеж: Научная книга, 2017б. – 62 с.

Глобальная стратегия сохранения растений. Текст на русском языке. – Richmond: BGCI, 2002. – 16 с.

Информационно-аналитическая система «Ботанические коллекции России». Коллекции регионов России: [Электронный ресурс] / 2007 г. Ред.: Прохоров А. А., Андриусенко В. В., Приз Ю. В., Обухова Е. Л. Web-мастер: Андриусенко В. В. – Режим доступа: <http://garden.karelia.ru/look/ru/region/index.htm>.

Коллекции и экспозиции природной флоры и растительности Центрального Черноземья в Ботаническом саду им. проф. Б. М. Козо-Полянского Воронежского государственного университета (путеводитель) / [А. А. Воронин, Л. А. Лепешкина, В. И. Серикова и др.]. – Воронеж: Научная книга, 2017. – 98 с.

Красные книги (Перечень публикуемых списков охраняемых видов растений и лишайников) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.plantarium.ru/page/redbooks.html> (дата обращения: 7 ноября 2018 г.).

Лепешкина Л. А., Прохорова О. В., Дендебер А. В. К стратегии создания искусственных степных сообществ в условиях лесостепи на базе Ботанического сада Воронежского государственного университета // Степи Северной Евразии: Материалы международного симпозиума. – Оренбург, 2009. – С. 434–437.

Мамонтова Е. Н., Васильева Е. И., Рузаева И. В. Сохранение редких растений в ботаническом саду Самарского государственного университета // Бюллетень Самарская Лука. – 2007. – Т. 16, № 1–2 (19–20). – С. 58–75.

Лепешкина Л. А., Муковнина З. П., Комова А. В., Воронин А. А. Микрорезерваты ботанического сада как ценные ботанические объекты // Флора и растительность Центрального Черноземья – 2012: материалы научной конференции, г. Курск, 6 апреля 2012 г. – Курск, 2012. – С. 127–131.

Мильков Ф. Н. Лесостепь Русской равнины. Опыт ландшафтной характеристики. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 296 с.

Мазей Н. Г., Можяева Г. Ф., Рытикова О. В., Вяль Ю. А., Ростовцева М. В. Редкие виды растений местной флоры в коллекции Пензенского ботанического сада им. И. И. Спрыгина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. Биология. – 2014. – № 1 (5). – С. 35–44.

Мартынова Н. А., Тохтарь В. К., Жиликова Е. Т., Новиков О. О. Редкие растения юго-запада среднерусской возвышенности в коллекции ботанического сада НИУ «БелГУ» и возможности их применения // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 1–9.

Voronin A. A. Forest-steppe botanical gardens: the general strategy for the conservation of regional flora biodiversity // *Ekosistemy*. 2018. Iss. 16 (46). P. 12–17.

This paper considers the results of evaluation of the role of Botanical gardens in the conservation of taxonomic diversity of regional forest-steppe flora, including rare and vulnerable species. 5 University Botanical gardens with a total area of 215 hectares serve as the key centers of introduction of forest-steppe Black Soil Region. At present, the Botanical gardens of the forest-steppe Black Soil Region preserve the genetic diversity of about 1200 species of plants of local flora in the conditions of culture. In the Botanical garden of Voronezh state University the collection of natural flora includes about 600 species, in the Botanical garden of Penza state University – 530. Of these rare taxa 202 (33.7 %) and 78 species (14.1 %) respectively. The number of rare taxa ranges from 26 (Republic of Mordovia) to 202 (Botanical garden of Voronezh State University), and the average is 96,4 species. In General, the area of cultivation of rare plants in forest-steppe Botanical gardens is about 9,9 hectares. According to the geography of samples of seeds and living plants in the centers of introduction cover the following areas: Botanical garden of Belgorod State University – southwest of Middle Russian upland; Botanical garden of Voronezh State University – Central Black Soil Region (Central Russian forest-steppe); Botanical garden of Penza State University, Botanical garden of Samara State University, Botanical garden Mordovia State University – the Middle Volga Region (Middle Volga forest-steppe). A common strategy for the conservation of biodiversity in the forest-steppe biome of Eastern Europe is associated with a number of step-by-step tasks and can only be developed in close cooperation between the introduction centers and other environmental institutions.

Key words: regional flora, biodiversity, rare plant species, Botanical garden, forest-steppe biome, introduction, strategy.

Поступила в редакцию 12.09.18

УДК 58.006(520):39(=521)

Японская этноботаника как ключ к разработке ассортимента японских садов

Голосова Е. В., Будилова И. Ю., Рындин Д. С., Николаева А. А.

*Главный ботанический сад им. Н. В. Цицина РАН
Москва, Россия
eastgardens@mail.ru*

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей в выборе растений для японских садов и поиск связи ассортимента с культурными традициями региона. В период 1988–2012 годов проведены натурные обследования 134 садов Японии и Китая и проанализировано более 700 видов растений, встречающихся в садах. Основными критериями выбора растений для сада были не их природные эстетические качества и систематическая информация, а информация символическая, часто мистического характера, которой наделяли эти растения многие поколения людей, живущих в данной местности. Растительная символика присутствует в синтоистских и буддийских религиозных обрядах, геральдике, сельском хозяйстве, медицине, кулинарии, живописи и предметном искусстве. Традиционно в растениях ценились те их свойства, которые вызвали поэтическое чувство, переходящее в эмоциональное возбуждение, через аромат, цвет, форму. Именно поэтому 70 % видов растений в японских садах представляет местную флору, это объясняет малую потребность в интродуцентах, которые для японцев не имеют значения с точки зрения многовекового единства человека и окружающего его растительного мира.

Ключевые слова: японские сады, флора, растения, символика, культура, Китай, традиции.

ВВЕДЕНИЕ

Японское государство расположено на островах, занимающих в сумме более 370 тысяч квадратных километров в зонах умеренного, субтропического и тропического климата северного полушария. Население страны составляет 127 миллионов человек, из которых этническими японцами является 98,4 %, то есть абсолютное большинство населения является носителями национальной культуры. На Японском архипелаге выделяется четыре растительных зоны: альпийские и субальпийские луга, зоны хвойных и листопадных лесов, а также зона широколиственных вечнозеленых лесов.

Деятельность человека сильно повлияла на естественную растительность Японии, тем не менее благодатные лесорастительные условия сохранились на 60 % площади Японии, 11 % занимают сельскохозяйственные угодья (Alpine Flora of Japan, 1994).

Целью исследования был поиск и выявление закономерностей в выборе растений для японских садов через анализ происхождения растений, используемых в садах Японии, изучение историко-культурных и хозяйственных аспектов использования растений, использование растительной символики в геральдике японских родов и кланов.

По данным фонда Critical Ecosystem Partnership Fund (CEPF, 2018), в настоящее время на Японских островах выявлено 5629 видов сосудистых растений. Около 30 % из них является эндемиками Японии (Wild Flora of Japan, 1989).

Ассортимент растений традиционного японского сада, как и в Китае, опирается на местную флору, но принципы подбора имеют свои собственные отличительные черты. Форма растения имела для японского садовника всегда большее значение, чем цвет. Человек и окружающие его растения в различных локальных областях веками были тесно связаны. На основе этих взаимосвязей формировались экологическое мировоззрение, культурные традиции, пищевые предпочтения и традиционная медицина (Голосова, 2017).

В культуре Японии растительные образы часто использовались в повседневной жизни, цветы, листья, побеги изображали на керамике, тканях, лаковых миниатюрах. Любовь к

растениям и умение передавать их естественную форму легли в основу целого ряда японских искусств. Заимствованные когда-то из Китая, они прошли путь национальной адаптации и совершенствования в условиях японской культуры и национальных эстетических предпочтений. На протяжении длительного периода истории японской культуры японцы пытались интегрировать природу в свою повседневную жизнь, формировать ее духовное наполнение.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

На основании натурных обследований 134 садов в Японии и Китае в период с 1988–2012 года, изучения литературных источников по растительности японских островов, культуре этноса и истории государства было проанализировано более 700 видов растений, в основном древесных, произрастающих в садах Японии и Китая. Визуальная оценка исторических и современных садов Японии проводилась в разных городах страны (Токио, Йогогама, Киото, Нара, Канадзава, Осака, Кобе, Окаяма, Химэдзи, Курасики, Мацуяма, Фукуока, Дазайфу и другие).

Были применены следующие методы исследования:

- метод системного анализа позволил увидеть историю развития декоративного садоводства Японии как целостный процесс, в котором отражены разнообразные отрасли знания;
- исторический метод исследования позволил выявить общие закономерности развития японского классического садоводства, периоды и причины заимствований из китайской культуры;
- метод сравнительного анализа позволил выявить общие закономерности во флористических особенностях японских садов и парков.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Традиционно в растениях, культивируемых в японских садах, ценились не только декоративные качества, а те их свойства, которые вызвали поэтическое чувство и эмоциональное удовлетворение через аромат, цвет, форму и фактуру отдельных частей. В японском синтоизме, как и в языческих верованиях других народов, обожествляли природу, придавая ее элементам мистическое значение. В религиозных праздниках вечнозеленые растения почитались особенно, так как считалось, что именно эти растения являются порталами между миром людей и миром божеств. В первую очередь к ним относятся эндемичные сосны (*мацу*), клейера японская (*сакаки*), кипарисовик туполистный (*хиноки*) и криптомерия японская (*кансуги*). Синтоистское обожествление вечнозеленых растений как обиталищ духов органично слилось с китайской буддийской и даосской символикой.

Древние японцы верили, что сосны, кедры, кипарисовики и камфорные деревья населены божествами, которые передают их друг другу по наследству. Практика обожествления растений с наименьшими сезонными изменениями органично перешла в буддизм из синтоистского поклонения деревьям как одному их проявлений божественных сил природы, поэтому в ранних буддийских садах в основном использовались вечнозеленые растения.

С приходом буддизма, запрещавшего любые жертвоприношения живых существ, практика использования в обрядах растений еще более упрочилась.

Поскольку ключевой тезис буддийской религии утверждает, что все предметы существуют через гармоничное взаимодействие причин и условий, то поиск гармонии и явился основной движущей силой в развитии японской садовой культуры, где красота природы обожествлялась, ей подражали, ее воспевали.

Например, из четырех с половиной тысяч поэм антологии японской поэзии VII века «Манъёсю» примерно треть содержит рассказы о растениях или об отношении человека к ним, поскольку частое использование деревьев и других растений в сравнениях – одна из характерных особенностей японской литературы. На основе упомянутых в этом

произведении растений возле синтоистского храма Касуга в Наре создан целый сад, называемый Садам Маньёсю, или «Садам десяти тысяч листьев» (Маньёсю..., 1987).

В период правления китайской династии Тан (618–907) японцами из Китая был заимствован цветочный календарь, который имел широкое распространение и популярность в эпоху Хэйан (794–1185). Календарем пользовались при выборе орнамента для кимоно: рисунок весеннего кимоно содержал глицинии, пионы, «семь цветов весны», летнего – ирисы, гортензии, гвоздику, осеннего – колокольчик и хризантемы, а камелии, бамбук или нарциссы использовались для зимнего кимоно.

Для каждого японца знакомы понятия «семь растений весны» и «семь цветов осени», появление которых относят примерно к IV веку. Все они в разной степени нашли место в традиционном японском саду, демонстрируя неразрывную связь повседневной жизни японцев с оформлением пространства вокруг собственного жилища.

«Семь весенних растений» собирали по традиции на седьмой день нового года. Их листья добавляли в рис в качестве витаминных и лекарственных добавок. До сих пор они пользуются популярностью, особенно в канун новогодних праздников, и их можно купить в магазинах как в наборе, так и по отдельности: это японская водяная петрушка, или омежник *Oenanthe decumbens* (Thunb.) Koso-Pol.), сушеница (*Gnaphalium uliginosum* L.), мокричник (*Stellaria media* (L.) Vill., красавка (*Atropa belladonna* L.), пастушья сумка (*Capsella bursa-pastoris* (L.) Medik), белая репа (*Brassica rapa* L.) и японская белая редька, или дайкон (*Raphanus sativus* L.)

«Семь цветов осени» не имеют такого ярко выраженного утилитарного значения, источники указывают, что они были выбраны как антитеза весенним цветам и должны были выражать меланхолию осени. Этот набор осенних цветов имеет гораздо более позднее происхождение, даже в определении его назначения улавливается буддийское влияние. Это клевер (*Trifolium rubens* L.), мискантус (*Miscanthus sinensis* Andersson), вьюнок (*Convōlvulus arvensis* L.), гвоздика (*Dianthus superbis* L.), леспедеца (*Lespedeza bicolor* Turcz), посконник и валериана (*Valeriána officinális* L.).

Подобные цветочные символы использовали для керамики, подарков и писем. Известные поэты в своих произведениях тоже часто обращались к растениям как к сезонным символам. Так, наставник в поэзии третьего сегуна сегуната Камакура, поэт и филолог XII–XIII веков Фудзивара-но Тэйка в произведении «Стихи о цветах и птицах. Тех и других по двенадцать» (в переводе В. Сановича) (Фудзивара-но Тэйка, 2012) предлагал такие растительные образы месяцам календаря, как «ива» (начало года), «вишня», «фудзи» (глициния), «цветы унохана» (дейция зубчатая), «цветы татибана» (манدارин уншиу), «гвоздика», «оминаэси» (патриния скабиозолистная), «хаги» (леспедеца), «сусуки» (мискантус), «последние хризантемы», «дерево бива» (мушмула японская), «ранняя слива». Некоторые названия растений, особенно взятые из древних поэтических произведений, до сих пор ботанически не идентифицированы, поэтому из 4,5 тысяч растений, упомянутых в «Маньёсю», в коллекции Сада Маньёсю в Наре представлено только около 300.

Поскольку заимствованный из Китая цветочный (растительный) календарь был основан на лунных циклах, то год начинался в период с 12 января по 19 февраля, и это был в понимании народов востока не Новый год (как середина зимы), а Праздник Весны – Чуньцзе (кит.). В связи с этим становится понятно, почему иву поэт отнес к первому месяцу года: именно ива на центральных и южных японских островах одной из первых начинает распускать листья.

Сосна почиталась как символ долголетия и начала года, японцы верили, что в сосне останавливалось божество, приносящее удачу в начале года (рис. 1). В сочетании с сосной часто использовали глицинию – символ достигнутого успеха, здоровья, выносливости, гостеприимства.

Бамбук воспринимался как символ стойкости, особенно зимой, когда он гнется, но не ломается под сильным ветром (рис. 2 и 3). Бамбуковые рощи включались в территорию монастырей и святилищ не только по символическому или эстетическому признаку. Проростки и корневища бамбука всегда были ценным пищевым ресурсом, помогавшим монахам выжить в любые, даже самые неурожайные годы.

Рис. 1. Сосны в саду императорского дворца, Киото

Рис. 2–3. Бамбук в Катуюхиметакэ-готъен – частном синтоистском святилище в Киото (2) и бамбуковый лес на склоне горы Аросияма, около храма Тэнрю-дзи, Киото (3)

Азалия почиталась как символ любви, верности, дружбы. Стриженные кусты азалий в саду также символизировали китайские «круглые» горы, покрытые лесом, что было характерно, в первую очередь, для храмов.

Ядовитые или колючие растения в садах всегда были менее популярны, поскольку вред наносимый колючками или ядом, считался более весомым аргументом при выборе, даже если растение обладало прекрасными цветами или запахом, как роза. Например, ликорис лучистый из семейства амариллисовых, в луковицах которого содержится яд, редко можно увидеть в садах – его чаще сажают на кладбищах (рис. 4). Он был завезен в Японию из Китая еще в эпоху Чжоу, то есть около 3 тысяч лет назад. Цветение ликориса приходится на период осеннего равноденствия, а для японцев это дни поминовения усопших. Поэтому он и

ассоциируется со смертью через целый ряд народных названий: сибито-бана – «цветок умерших», дзигоку-бана – «адский цветок», юрэй-бана – «цветок призраков» (Ерышов, 2018). Использование ликорисов на кладбищах обосновано и чисто практически: его ядовитые луковицы не повреждают мыши, поэтому яркое цветение, преподносимое духам предков, гарантировано.

Рис. 4. Ликорис лучистый на японском кладбище

В связи с распространением буддизма главной достопримечательностью садовых водоемов стал лотос – символ буддийской чистоты (Будда часто изображается сидящим в цветке лотоса) (рис. 5 и 6). В северных садах или в очень маленьких водоемах лотос заменялся нимфеями, но в этом случае опускался главный символический аспект – вознесение чистого цветка на высоком цветоносе над поверхностью воды (часто грязной), как Будда вознесся над грязью и бренностью мира. Как и в предыдущем примере, использование лотоса в садах имело еще и чисто практический смысл: корень лотоса традиционно используется в японской, китайской, тайской и других кухнях и имеет высокую пищевую ценность.

Многие растения стали популярны в садах в связи с национальными традициями и древними обрядами. Жители Японии верили, что распускающиеся цветы обладают способностью отгонять злых духов, болезни и эпидемии. Лепестки цветов, бутонов, соцветий сакуры, камелии, керрии японской, а также ивы использовались при изготовлении небольших зонтиков, под которыми люди ходили, полагая, что этим они приобретут иммунитет от многих болезней (обряд «успокоения цветами»). Соответственно, с развитием декоративного садоводства такие растения в первую очередь попадали в перечень наиболее популярных.

С развитием сельского хозяйства и введением новых интродуцированных (в основном из Китая) культур обряды, связанные с растениями, приобретали еще и выраженное сельскохозяйственное значение, что было основано на более длительных и детальных наблюдениях за растениями.

По обилию цветения деревьев и кустарников пытались предсказать, обильный или скудный урожай ждет крестьянина в наступившем году: обильное и продолжительное цветение вишни, дейции, азалии и пиериса предвещало богатый урожай, а раннее осыпание цветков – скудный.

Рис. 5–6. Цветок лотоса (5) и лотосы в парке Уэно, Токио (6)

В качестве индикатора состояния среды при производстве сельскохозяйственных работ была сакура (рис. 7– 8). Начало ее цветения считалось сигналом к посадке риса, а географическая протяженность японских островов с севера на юг объединила под одним понятием «сакура» различные виды слив, вишен, черемух, произрастающих в разных регионах страны. В настоящее время в Японии сакурой принято называть 11 видов эндемичных косточковых во время цветения: *Prunus jamasakura* Sieboldex Koidz., *P.sargentii* Rehder., *P.incisa* Thunb., *P.vericunda* (Koidz.) Koehne, *Prunus lannesiana* Wils.(Carr.) var. *speciosa* (Ohshimazakura), *P. maximowiczii* (Rupr.), *P. nipponica* Matsum., *P. Pendula* (Lieg.) K. Koch, *P. Apetala* Franch. & Sav., *P. Buergeriana* Miq., *P. Grayana* Maxim. (Kashioka, Ogisu, 1997; Hamadaandets, 1988).

Цветущая сакура – наиболее часто упоминаемое растение в японской литературе, его краткое цветение стало символом мимолетной красоты в японской эстетике, а чисто биологическая особенность цветка опадать не увядшим, была взята самураями как почетный символ чести умереть молодым, не увядшим. Впервые слово упомянуто в крупнейшем памятнике древней японской литературы «Кодзики», а «Манъёсю» содержит уже около сорока поэм, посвященных сакуре (Манъёсю..., 1987). Это во многом связано с физиологией и фенологией самих видов сакуры и с местными традициями. Цветение косточковых видов деревьев (сакуры) в Японии всегда обильное, но кратковременное: максимально растения цветут всего 7 дней, а цветение от северных до южных провинций растянуто по времени на 16 дней. Таким образом, при путешествии с юга на север от Кюсю до Хоккайдо в течение чуть более двух недель можно повсеместно любоваться цветением.

В период Нара и начале периода Хэйан влияние китайских культурных традиций привело к тому, что слива стала чаще упоминаться в литературе и приобрела значительную популярность в садах (Chang Luo, Xiao-Ming Liu, 2015). Это связано с тесными контактами с Китаем и использованием китайской письменности. Однако к X–XI векам сакура вновь стала одним из самых популярных садовых растений. Это побудило уже современных японских ботаников заниматься тщательным изучением этого ботанического явления. К концу эпохи Эдо японскими ботаниками и селекционерами было выведено около 600 сортов сакур. Однако в период после реставрации императорской власти (революция Мэйдзи, 1868 г.) огромное число сортов было утрачено, и сейчас смогли восстановить и обновить только около 200.

Рис. 7–8. Цветки сакуры *Prunus sargentii* Rehder (7) и цветение сакуры в японском саду ГБС РАН (8)

Воспетая в народных эпосах, старинных и современных песнях и танцах, изображаемая на свитках тушью, позолоченных раздвижных перегородках фусума и ширмах, в буддийских храмах и синтоистских святилищах, сакура стала символом целой страны, одним из тех слов, которые одинаково звучат на всех языках мира, подобно всем известным словам «самурай», «сумо» или «икебана».

До наступления периода Эдо и начала самоизоляции Японии в 1603 году множество японцев направлялись для обучения в Китай, так же, как и много китайских и корейских священников и торговцев прибывало на острова. Кроме священных книг, бронзы, зеркал и шелка, они часто привозили с собой растения. Первыми такими растениями стали слива, пионы и хризантемы. В большинстве своем новые растения находили свое место в садах аристократов, поскольку их наличие считалось признаком образованности, высокой культуры и власти.

Иеасу Токугава, первый сегун правительства эпохи Эдо (1603–1868), был большим любителем цветов и ввел моду на коллекционирование растений (Kahioka, Ogisu, 1997). Его потомки долгое время продолжали собирать растения в своих садах. Особенно популярным растением в тот период была камелия – символ самурайского сословия, поэтому храмы и святилища эпохи Эдо собирали обширные коллекции камелий на своих территориях. При значительной поддержке правительства садоводство развивалось очень интенсивно. Среди феодалов эпохи Эдо и имущих представителей других сословий было весьма популярным заниматься своими садами собственноручно. Разведение растений стало одним из выражений культуры этого периода и широко распространилось среди различных классов.

Растительные символы использовали в своих гербах древние японские роды, сегуны и императоры. Так символом императорского дома был цветок хризантемы, у сегунов рода Токугава – мальва, а символ Токатоми Хидэеси – тыква-горлянка. В японской геральдике можно найти изображения сливы, павловнии, орхидеи, бамбука и многих других растений Японии. Поэтому геральдические растения в обязательном порядке использовались в многочисленных садах родовых имений. Осенью в синтоистских святинях (синто – религия императорского дома) и множестве исторических садов, где желают выказать свое уважение императору или как-то связанных с императорским домом, устраиваются великолепные выставки хризантем, где демонстрируются не только японские достижения селекционной науки, но и мастерство садовников по формированию этих растений и составлению композиций.

Наиболее популярными, кроме упомянутых выше растений, в японских садах являются ирисы, глицинии, все эндемичные сосны, клейера японская, кипарисовик туполистный, гинкго, виды бамбука, заимствованный из Китая древовидный пион и многие другие (Katsuhiko, 2009; Ohmura, 2016).

Значение растений в культурной жизни жителей японских островов повысилось, когда были разработаны определенные эстетические правила оценки растений. Это привело к развитию производств сопутствующих предметов, таких как керамические контейнеры под бонсай, специальные керамические вазы под цветочные композиции, подставки под них, декоративные полки, на которые ставились эти предметы, которые тоже, в свою очередь, рассматривались как произведения искусства, но должны были находиться в полной гармонии с посаженными и поставленными в них растениями. Связь человека и растений вокруг него еще более укрепилась в период Эдо, когда понятие «садовник» стало устойчивой профессией, которая сделала возможным передачу методик и знаний систематически и по наследству (Сенсом, 1999), а в сельскохозяйственных университетах ввели программы подготовки специалистов в области садоводства.

Для японского сада важен не столько ботанический вид используемого растения, сколько заключенная в нем символика, образ, рождаемый запахом, цветом и формой, причастность к историческим событиям, связанная с ним, национальными традициями и обрядами. Поэтому растения наряду с камнем, гравием, архитектурными элементами являются материалом, которым пользуется садовник в зависимости от своего мастерства. Чем выше мастерство, тем меньше материала требуется художнику для создания нужного образа и тем сильнее производимое впечатление от сада, тем большая духовная подготовка требуется от зрителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных садах используются самые разные растения, но большинство из них – это местные виды или виды, завезенные много веков назад из Китая и Кореи и уже наделенные символическими значениями. В общей сложности доля местных видов в садах Японии значительна – 67,1 %, еще 20,1 % – представители китайской флоры. На долю остальных интродуцентов приходится около 13 % всех видов. Сдерживает спрос на инородные виды в современных японских садах исключительно традиционный подход к формированию ассортимента: каждое используемое растение должно обладать рядом свойств и характеристик, доказывающих его многовековую связь с человеком, живущим в конкретной местности, и эту духовную, почти генетическую связь невозможно заменить ни новой формой, ни цветом, ни запахом.

Список литературы

- Голосова Е. В. Сады восходящего солнца. Ландшафтное искусство Японии. – М.: Памятники исторической мысли, 2017. – 600 с.
- Ерышов А. В. Символика цветка осеннего равноденствия Хиганбана в традиционной и современной японской культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hagakure.by/articles/article?id=70 (дата обращения 18.04.2018).
- Маньёсю. Избранное. – М.: Наука, 1987. – 308 с.
- Сенсом Дж. Б. Япония. Краткая история культуры / [науч. ред. А. Никитин]. – СПб.: Евразия, 1999. – 576 с.
- Фудзивара-но Тэйка. Стихи о цветах и птицах. Тех и других по двенадцать (в переводе В. Сановича) // Новый мир. – 2012. – № 2. – С. 66–75.
- A Preliminary Study of the Flora of Chirpoi, Kuril Islands. The Japanese society for Plant systematics/ ActaPhytotax. Geobot. 48 (1): – P. 31–42 (1997).
- Alpine Flora of Japan. YAMA-KEI Publishers. ISBN4-635-09019-1. – 1994. – 720 с.
- Anime and Manga Symbolism [Electronic resource] Access mode: <https://aminoapps.com/c/anime/page/blog/anime-and-manga-symbolism/rmt2Gzrq1XYoV8eP161m772Kn> (date of the application: 24.01.2018).
- Aspects of continuity of historic Japanese traditions in Lithuanian landscape design / [Petras Grecevičius, Romas Marčius, Laura Popkytė, Jonas Abromas, Jonas Genys, Eglė Dučinskienė, Inga Urbonaitė] // HISTORY OF THE FUTURE: 52nd World Congress of the International Federation of Landscape Architects Congress proceedings 10–12 June 2015 Saint-Petersburg, Russia. – S.Petersburg, 2015. – P. 519–526.
- Chang Luo, Xiao-Ming Liu. Exploration on National Archaeological Site Parks – a case study of Liangchengzhen Archaeological Site Park // HISTORY OF THE FUTURE: 52nd World Congress of the International Federation of Landscape Architects Congress proceedings 10–12 June 2015 Saint-Petersburg, Russia. – S.Petersburg, 2015. – P. 588–597.